

ДЕМОКРАТИЯ КАК СПЕКТАКЛЬ И КАК ИНСТРУМЕНТ: ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ИГРЫ И ВОСТОЧНОЕ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ВЛАСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются причины несостоятельности либерально-демократических моделей в странах Востока и анализируется формирование альтернативной — авторитарной модели власти, обеспечивающей высокую социальную устойчивость и экономическую результативность. На основе примеров Израиля, Саудовской Аравии, Катара, Вьетнама, Руанды, Казахстана и Беларуси показано, что представительная демократия не всегда обеспечивает универсальность и политическую справедливость, а авторитаризм при правильной институциональной конфигурации может быть более эффективен в управлении, социальной инклюзии и стратегическом развитии. Сделан вывод о необходимости переосмысления универсалистского подхода к демократии в пользу институционального плюрализма.

Ключевые слова: демократия, авторитаризм, электоральная система, политическое представительство, Ближний Восток, фрагментация, управляемость, институциональный плюрализм.

DEMOCRACY AS SPECTACLE AND INSTRUMENT: ELECTORAL GAMES, AND THE EASTERN REINTERPRETATION OF POWER

Abstract. The article explores the failure of liberal-democratic models in Eastern societies and analyzes the emergence of an alternative authoritarian governance structure that ensures high levels of social stability and economic efficiency. Drawing on case studies from Israel, Saudi Arabia, Qatar, Vietnam, Rwanda, Kazakhstan, and Belarus, the author demonstrates that representative democracy does not necessarily guarantee political inclusiveness or universal legitimacy, whereas authoritarian regimes—when institutionally competent—may prove more effective in long-term governance and equitable resource distribution. The study argues for a conceptual shift from democratic universalism to institutional pluralism in global political analysis.

Keywords: democracy, authoritarianism, electoral system, political representation, Middle East, fragmentation, governance, institutional pluralism.

За последние три десятилетия идея либеральной демократии как универсальной модели государственного устройства активно внедряется на глобальном уровне при поддержке западных государств

и международных организаций. Однако с начала 2000-х годов все более очевидной становится неспособность этой модели адаптироваться к политическим и культурным реалиям отдельных регионов мира, особенно стран Ближнего Востока, Центральной Азии и части Африки. Экспорт демократии, сопровождавшийся финансированием неправительственных организаций (НПО), подготовкой наблюдателей и программами избирательной модернизации, во многих случаях привел не к устойчивой демократизации, а к закреплению авторитарных режимов с электоральным фасадом [1, с. 21–27].

Как справедливо отметил профессор Гарвардского университета Стивен Левицкий, «демократии умирают не от военных переворотов, а от манипуляций в рамках самих демократических процедур» [2, с. 56]. Современные авторитарные режимы успешно адаптировали механизмы выборов, парламентской конкуренции и свободы слова, превратив их в инструменты легитимации, а не демократизации. И если в начале XXI века эксперты полагали, что сами по себе процедуры выборов приведут к трансформации систем, то сегодня, как показывают кейсы Египта, Ирака, Туниса, Алжира, наблюдается противоположная тенденция: электоральная демократия используется в авторитарных целях [3, с. 34–37].

Особое место занимает политическая ментальность Востока, где отношения между государством и обществом строятся не на идее представительства, а на патернализме, сакрализации власти и коллективной идентичности. Запад исходит из парадигмы индивидуалистической ответственности и плюрализма, тогда как Восток рассматривает государство как гаранта стабильности и выживания. Это различие приводит к систематическим ошибкам в проектировании демократических реформ и непониманию природы политических предпочтений населения. Как заметил египетский аналитик Хани Аззам, «демократия — это не просто выборы, это прежде всего культура принятия другого. И именно с этим у нас самые большие трудности» [4].

В этой статье предпринимается попытка анализа не только несостоятельности западных электоральных стратегий на Востоке, но и описания формирующейся альтернативной модели власти, в которой авторитаризм сочетается с устойчивостью, материальной обеспеченностью населения и эффективным управлением. На примерах Израиля, Саудовской Аравии, Катара, а также неарабских государств с авторитарными институтами — Руанды, Вьетнама и Казахстана, рассматривается трансформация политического управления в сторону так называемой гибридной автократии нового типа, лишенной плюралистических институтов, но способной обеспечивать высокий уровень лояльности и эффективности.

Псевдodemократизация как стратегический ресурс Востока

Современные авторитарные режимы, особенно на Ближнем Востоке, сумели не просто адаптироваться к западному давлению на демократизацию, но и обратить его в собственный ресурс политического выживания.

Парадоксально, но именно принуждение к выборности, транспарентности и разделению властей сформировало новое поколение псевдodemократий — государств с формально соблюдаемыми процедурами, но авторитарной сутью управления.

В отличие от XX века, когда автократии демонстративно игнорировали западные нормы, в нынешнем столетии доминирует стратегия мимикрии. Политологи называют это явление «электоральным авторитаризмом» — системой, где проводятся выборы, но они не обеспечивают реальной конкуренции и сменяемости власти [5, с. 93–101]. Электоральность становится маской, под которой скрываются контролируемые СМИ, подавление оппозиции и избирательная инженерия.

Хрестоматийный пример — Египет после 2013 года. Генерал Абдель Фаттах ас-Сиси, организовав выборы практически сразу после военного переворота, в качестве кандидата в президенты страны набрал 97 процентов голосов. Формально был соблюден демократический ритуал, но на практике все значимые оппоненты оказались устранены, а гражданское общество подверглось жесткому давлению [6, с. 45–47]. Аналогичная ситуация наблюдается в Иране, где выборы сохраняются как механизм демонстрации народной поддержки, но кандидаты проходят жесткий отбор через Советы стражей, исключая всякую альтернативу курсу власти [7, р. 212–215].

При этом важно отметить, что восточные элиты быстро усвоили логику западных доноров и внешнеполитических институтов: для получения финансовой и дипломатической поддержки реформы необязательны, достаточно их убедительной имитации. Результат — стабилизация авторитарных режимов под прикрытием демократического дискурса. Влиятельный эксперт по ближневосточной политике, профессор Университета Эксетера Тариф Халаф подчеркивает: «Для многих режимов выборы — это всего лишь новая форма внешнеполитического камуфляжа, а не внутреннего реформирования» [8, р. 89].

Данная тенденция особенно ярко проявляется в сфере международного финансирования. Программы Европейского союза и USAID* нередко ставят в приоритет формальные процедуры (участие женщин в выборах, создание электоральных комиссий и т.д.), игнорируя политический контекст, в котором эти меры должны быть реализованы [9, р. 34–35]. Итог — миллионы долларов, вложенные в создание иллюзорных демократических институтов, которые всего лишь усилили легитимность действующих автократий.

Псевдodemократизация стала частью политической технологии восточных режимов, одновременно обеспечивая внешнюю легитимацию и внутренний контроль. Она не отрицает демократию, а использует ее как риторику, экономический актив и инструмент манипуляции. Более того, в глазах части

* 27 января 2025 года официальный правительственный сайт Агентства США по международному развитию (USAID) был закрыт. До конца 2025 года завершатся и все зарубежные миссии агентства (*прим. ред.*).

населения такие режимы выглядят предпочтительнее, чем слабые и раздробленные западные демократии, погрязшие в кризисах легитимности и фрагментации.

Таким образом, выборы на Востоке перестали быть инструментом смены власти и превратились в средство ее укрепления. Это не искажение народовластия, а его функциональная мутация, где внешняя форма используется для достижения противоположных по содержанию целей.

Иллюзия представительства и реальность электоральной сегрегации

Одним из центральных нарративов западной демократии остается тезис о представительстве, то есть об убеждении, что парламент отражает весь спектр общественных интересов, а правительство выступает производной от сбалансированной и интегральной воли народа. Однако в условиях усиливающейся фрагментации политического пространства эта модель всё чаще сталкивается с институциональным тупиком, — распыление голосов между многочисленными партиями, перманентные коалиционные кризисы, неспособность выработать устойчивую программу развития и, как следствие, падение уровня доверия граждан к самой системе [10, с. 118–122].

Современная политология подчеркивает: чем выше степень партийной фрагментации, тем ниже устойчивость и эффективность управления. Правительства, формируемые из десятков разнонаправленных политических сил, в действительности отражают не волю нации, а сложный компромисс между группами давления, каждая из которых стремится конвертировать свое участие в управлении ресурсами для узкого электорального сегмента.

В ряде случаев проявления институционального паралича наблюдаются даже в устойчивых демократиях Западной Европы. Так, в Нидерландах и Бельгии неоднократно фиксировались трудности с формированием коалиционного правительства, затягивавшиеся на месяцы. Эти случаи отражают структурную проблему: партийные системы все чаще оказываются неспособными к продуктивному взаимодействию, а формальные процедуры — к производству дееспособной исполнительной власти [11].

Даже в такой «полноценной демократии», как Германия (13-е место в глобальном рейтинге демократии), коалиционные переговоры нередко затягиваются на многие месяцы: партии, пришедшие к успеху, представляют слишком разные мировоззрения и прежде всего борются за интересы собственных электоральных ниш, а не за общенациональный компромисс, что снижает и управленческую эффективность, и доверие граждан к политическим институтам [12].

Подобная ситуация порождает «представительство без результата»: институты действуют, выборы проходят, но правительство не формируется или оказывается недееспособным. Как отмечает американский политолог Ларри Даймонд, «кризис демократии сегодня заключается не в авторитарных

угрозах, а в неспособности демократических систем отвечать на вызовы времени» [13, с. 58].

Политическая сцена чаще, чем в былые времена, превращается в арену риторических столкновений, где ни одна партия не в состоянии предложить устойчивую стратегию развития. В результате усиливается отчуждение граждан, растет электоральная апатия и поддержка «антисистемных» акторов, что подтверждается данными Eurobarometer и Pew Research [1].

Таким образом, сама идея парламентского представительства переживает трансформацию: от универсального инструмента демократии — к источнику системного дисбаланса. Эта тенденция, характерная для ЕС, формирует фон для дальнейшего анализа израильского кейса, где та же логика фрагментации приводит к иным, но не менее острым институциональным последствиям [14].

Израильский кейс: когда большинство — не для всех

Особенно показателен в этом контексте опыт Израиля, где с начала 2020-х годов наблюдается хронический политический цикл. Здесь электоральная система воспроизводит нестабильность, порождая череду досрочных выборов, вынужденных компромиссов и нестабильных коалиций. Так, выборы в Кнессет 25-го созыва, состоявшиеся 1 ноября 2022 года, стали пятыми по счету за 3,5 года [15]. По израильскому законодательству на формирование правительства отводится до 42 дней (28 дней плюс возможное продление на 14 дней), и в последние годы этот срок используется до последнего момента, часто под угрозой объявления новых выборов.

Сама угроза шестых выборов стала инструментом политического давления. Ради предотвращения электоральной катастрофы многие партии идут на уступки, уменьшая первоначальные требования и отказываясь от ряда ключевых положений в обмен на гарантии участия в коалиции. Это создает иллюзию политического баланса. Однако в реальности новые коалиции формируются в подавляющем большинстве по логике внутригрупповой мобилизации, а реализуемая программа отражает интересы прежде всего победивших электоральных ниш.

Например, коалиция, сформированная по итогам выборов 2022 года, получила 64 мандата из 120, обеспечив тем самым устойчивое парламентское большинство. Явка на выборах составила 70,63 процента. Это означает, что около трети избирателей сознательно или из-за собственной апатии вышли из процесса, лишив себя не только влияния на состав власти, но и права предъявлять к ней политические претензии.

Суммарно партии, вошедшие в коалицию, получили 2 304 964 голоса, что составило 48,38 процента от общего числа проголосовавших (33,95% от 6 788 804 избирателей).

Фактически это означает, что лишь треть израильских граждан, обладающих правом голоса, выразили поддержку нынешней коалиции, тогда как

остальные либо проголосовали за оппозицию, либо выборы проигнорировали. Тем не менее, в соответствии с формальными нормами либеральной демократии, это законно сформированное большинство, обладающее всеми конституционными полномочиями для формирования и проведения государственной политики в течение всего срока каденции.

Возникает парадокс, в котором легитимность правящей коалиции основывается не на консенсусе большинства населения, а на мобилизационном преимуществе активной части ее электората. В результате все протесты оппозиции, направленные против решений правого правительства, наталкиваются на «железную логику победителей»: «мы избраны народом, и мы вправе вести страну туда, куда хочет наш электорат». И правительство ведет — целенаправленно, последовательно, без компромиссов, строго в рамках ожиданий своей политической базы.

В итоге демократическая процедура превращается в инструмент политической монополии. Меньшинство, оказавшееся в большинстве в рамках институциональной системы, получает возможность перераспределять ресурсы, изменять законодательство и формировать стратегический курс государства, не оглядываясь на интересы остальной части общества. Это не нарушает букву закона, но подрывает дух представительства, на котором строится сама идея демократии как управления в интересах всех, а не отдельных фракций.

Израиль: демократия без универсальности

Таким образом, более половины мандатов сконцентрировано в руках партий, представляющих узкоидентифицированные группы, — ультраортодоксов, религиозных сионистов и правоконсервативные круги. Светское, левоцентристское и либеральное население фактически оказалось маргинализировано. При этом новая коалиция, получив формальный мандат, с высокой скоростью приступила к реализации секторальной повестки, — от налоговых льгот религиозным учебным заведениям до прямых субсидий поселенческому сектору на Западном берегу.

Парадокс ситуации в том, что коалиция представляет меньшинство общества, но — большинство от активных избирателей, и именно это обстоятельство позволяет ей осуществлять политику, игнорируя значительную часть населения. Как резюмирует профессор Йоав Пелед, «новая коалиция впервые не маскирует, а прямо реализует интересы своей базы, не претендуя на универсальность» [16, р. 44].

Если рассматривать ситуацию в более широком контексте, израильский случай иллюстрирует системную проблему парламентской демократии с высокой фрагментацией. Формально избиратели голосуют, формируют правительство и получают своих представителей. Однако на практике это приводит к институционализированной несправедливости, когда те, кто

голосует, — получают, а те, кто не участвует, — теряют не только политическое влияние, но и доступ к ресурсам.

Парадокс демократии в том, что она может быть справедливой по процедурному содержанию, но несправедливой по результату. Активный избиратель получает все, пассивный — остается на обочине. В странах с высокой политической поляризацией это ведет к накоплению недовольства, радикализации оппозиции и делегитимации всей политической системы.

Европейская проблема: демократия без результатов

Важно отметить, что проблема коалиционного тупика — не исключительно израильская. В условиях усиливающейся поляризации практически ни в одной европейской стране за последние годы не было сформировано правительство национального единства, а процесс коалиционных переговоров нередко затягивается на месяцы.

Так, в Голландии после выборов 2021 года правительство формировалось 9 месяцев — рекордный срок в истории страны. В Германии переговоры после выборов 2017 года заняли почти полгода. В Бельгии после выборов 2019 года коалиция не могла быть сформирована более 490 дней, в течение которых страной управлял технический кабинет с ограниченными полномочиями [17]. В Болгарии с 2021 по 2023 год прошло пять парламентских выборов, ни одни из которых не привели к стабильному правительству [18].

Все эти примеры указывают на одну и ту же тенденцию: демократическая процедура выборов перестает быть инструментом разрешения конфликтов, а превращается в источник новых кризисов. Многопартийность не способствует консенсусу, а фрагментирует парламент на группы с трудносовместимыми программами. Пока продолжаются переговоры, государственные механизмы функционируют на пониженной мощности, а стратегические реформы блокируются.

Какой смысл в демократии, которая неспособна произвести эффективное правительство? Если после выборов обществу предъявляются одни лишь коалиционные торги и блокировка решений, то сама логика народного волеизъявления обречена на девальвацию. Неслучайно растет уровень абсентеизма и поддержки недемократических решений, в том числе со стороны молодежи.

Авторитаризм с человеческим лицом: благосостояние вместо представительства

Современный дискурс о демократии во многом строится на априорном противопоставлении: демократия — это добро и развитие, авторитаризм — стагнация и подавление. В то же время эмпирические данные последних двух десятилетий размывают подобное сравнение. Страны, лишённые

классических демократических институтов, демонстрируют не только устойчивость, но и высокий уровень социальной инклюзии, доступности базовых благ и гражданской лояльности.

Классические примеры восточного авторитаризма — это Саудовская Аравия, Катар, Объединенные Арабские Эмираты и Кувейт. Все эти страны объединяет ряд общих признаков: отсутствие выборов либо их чисто символическая функция; концентрация власти в руках наследственных монархов или назначаемых сверху технократических структур; а также масштабные государственные социальные программы, субсидии, гарантии и высокий уровень жизни на душу населения.

В той же Саудовской Аравии правительство обеспечивает бесплатное образование вплоть до уровня аспирантуры, полное медицинское обслуживание в государственных клиниках, жилищные субсидии и кредиты с низким процентом для семей, а также высокие пособия на детей, особенно для женщин, находящихся вне рынка труда [29, р. 103–107].

В Катаре каждому гражданину предоставляется ежемесячная денежная поддержка в виде прямых трансфертов, государственные квоты на землю под строительство собственного жилья, налоговые каникулы практически во всех отраслях частного сектора, а также доступ к бесплатным коммунальным услугам или их государственному субсидированию [20].

Во всех этих странах средний доход на душу населения превышает 50 тысяч долларов США, а уровень безработицы среди граждан — менее 5 процентов, что делает их одними из наиболее социально защищенных обществ в мире. Примечательно, что, согласно исследованию Arab Barometer, в 2022 году до 78 процентов граждан Саудовской Аравии и ОАЭ заявили, что полностью доверяют своему правительству, в то время как уровень доверия к парламентам в демократических странах региона (Ирак, Тунис, Ливан) не превышал 24 процентов [21].

Политическая лояльность как следствие, а не причина

Вышеизложенное позволяет говорить о новом типе легитимности. Восточные авторитарные режимы не нуждаются в выборах, — они компенсируют отсутствие политического участия обеспечением социальной стабильности и патерналистским контрактом. Гражданин, получающий все необходимое, лоялен не потому, что его спросили на выборах, а потому что система работает в его интересах ежедневно.

Как подчеркивает ближневосточный экономист Халид аль-Харби, «на Востоке легитимность — это не процесс голосования, а чувство защищенности: дом, еда, безопасность, работа» [22, р. 17–20]. Именно это объясняет феномен высокой лояльности населения к монархиям Персидского залива, несмотря на фактическое отсутствие механизмов демократического контроля.

Авторитаризм как новая модель привлекательности

Еще более примечательна другая тенденция, — иностранные специалисты, работающие в этих странах, все чаще стремятся получить местное гражданство, несмотря на все сложности. Причины очевидны — стабильность, высокий уровень доходов, качественная медицина, безопасная среда и социальные перспективы для детей. Например, по данным опроса HSBC (Expatri Explorer Survey, 2023), ОАЭ, Катар и Саудовская Аравия вошли в топ-5 стран, где экспаты «готовы остаться навсегда», опередив по этому показателю Канаду, Великобританию и Германию [23].

Таким образом, отсутствие формальной демократии не означает отсутствия политического консенсуса. Напротив, в ряде случаев именно авторитарная вертикаль власти становится более справедливой по отношению к обществу, чем фрагментированные парламенты с десятками партий, конкурирующих за узкие электоральные ниши.

За пределами Ближнего Востока: стабильные автократии и рост без демократии

Способность государства обеспечивать базовый уровень благосостояния и социального доверия в значительной степени зависит от экономической базы — наличия природных ресурсов, производственных мощностей, налоговой дисциплины и управляемости. Однако запасы ресурсов не являются гарантией прогресса. В истории существует немало примеров, когда богатые нефтью и газом государства оставались погруженными в бедность, неравенство и стагнацию, притом — вне зависимости от политического строя. Одновременно имеются десятки примеров, где авторитарное управление при ограниченных ресурсах смогло построить устойчивое и даже процветающее общество, в котором институциональная стабильность и рациональная экономическая политика обеспечивают рост и социальную интеграцию.

Если поведение авторитарных монархий Персидского залива может быть объяснено рентным механизмом (нефть, газ, логистика), то примеры Руанды, Вьетнама, Казахстана и Беларуси демонстрируют, что даже в условиях ограниченной ресурсной базы, централизованная власть при правильной управленческой модели может обеспечить устойчивое развитие, модернизацию и снижение социального напряжения.

Руанда: «авторитарная модернизация» после геноцида

После геноцида 1994 года Руанда стала одной из немногих африканских стран, избравших путь жесткой централизации, этнической репрессии и стратегического планирования. Президент Поль Кагаме, находящийся у власти более двух десятилетий, создал властную вертикаль, исключаящую оппозицию, но параллельно обеспечил ежегодный экономический рост выше 6 процентов с 2005 по 2020 год; одну из лучших систем здравоохранения

в регионе; высокий уровень цифровизации государственных услуг и регистрации бизнеса; превращение столицы страны — Кигали — в «восточноафриканский Сингапур» [24]. По данным Всемирного банка, уровень бедности в стране снизился с 77 процентов (в 2001 г.) до менее 55 процентов (в 2020 г.), а охват населения медицинским страхованием превысил 90 процентов [25].

Вьетнам: стабильность вместо многопартийности

Коммунистическая партия Вьетнама остается единственной легальной политической силой с 1976 года. Однако страна демонстрирует исключительные успехи в социально-экономической трансформации. Здесь рост ВВП на душу населения составил 230 долларов в 1985 году и более 3 500 долларов США в 2023 году. Страна вошла в число 20 крупнейших экспортеров мира и за 30 лет добилась радикального снижения уровня бедности с 58 процентов до менее 5 процентов и устойчивого доверия населения к институтам государства. Согласно опросу Pew Research (2022), более 83 процентов вьетнамцев считают курс правительства правильным [26]. Вьетнамская модель доказывает, что отсутствие выборов не мешает планомерной модернизации, а, напротив, снижает популистское давление и дает возможность долгосрочного планирования.

Казахстан: модернизация сверху

После обретения независимости Казахстан пошел по пути персоналистского авторитаризма при первом президенте Нурсултане Назарбаеве, а затем — с элементами трансформации при Касым-Жомарте Токаеве. Несмотря на отсутствие конкурентных выборов, страна обеспечивает инфраструктурное обновление (программа «Нурлы жол»); развитие цифровой экономики; относительную этническую стабильность в многонациональном обществе; высокий уровень социального доверия к институту президентства (по данным Gallup за 2022 г. — 74%) [27]. В Казахстане действует эффективная программа ЕНПФ (единый накопительный пенсионный фонд), а с 2021 года успешно реализуются проекты льготной ипотеки и поддержки молодежного предпринимательства.

Беларусь: контroversивная, но социально устойчивая

Несмотря на политическую изоляцию и протесты 2020 года, Беларусь остается одной из немногих стран постсоветского пространства, где сохраняется полный контроль над стратегическими отраслями. Уровень безработицы остается ниже 4 процентов; жилищная обеспеченность превышает показатели ряда стран ЕС; государство субсидирует тарифы ЖКХ, транспорт и медицину [28]. Хотя международное сообщество критически оценивает отсутствие свободных выборов и репрессии против оппозиции, внутри страны продолжает работать советская модель социального государства,

адаптированная к рыночным реалиям. Согласно опросу института СОЦИС (2023), почти 60 процентов белорусов связывают стабильность именно с текущей политической системой, а не с потенциальной либерализацией [29].

* * *

Таким образом, авторитарные режимы, основанные на экономической дисциплине, персональной ответственности лидера и долгосрочном планировании, в ряде случаев оказываются более результативными и предсказуемыми, чем либеральные демократии, подверженные краткосрочному популизму, электоральному давлению, размыванию и раздроблению политического представительства. Их сила не в универсальности, а в управляемости, не в публичных дебатах, а в способности консолидировать ресурсы и направлять их на достижение коллективного блага.

Если авторитаризм сочетается с заботой о гражданах, эффективным управлением и системой ответственности, то он перестает восприниматься как зло. А в глобальной перспективе такие режимы становятся объектами подражания, особенно в странах, где демократический опыт приводил к распаду государства, конфликтам и социальным провалам.

Заключение: вызов универсализму и формирование альтернативы

Рассмотренные кейсы показывают, что либеральная демократия в своем классическом виде не является универсальной формой политической организации. Попытки экспортировать демократические процедуры без учета культурной, социальной и экономической специфики во многих странах привели не к усилению демократических институтов, а к их инструментализации в целях легитимации авторитарной власти. Выборы, парламенты и партийные системы в свою очередь стали не выражением народного суверенитета, а механизмом перераспределения ресурсов между узкими электоральными группами.

При этом насильственные или директивные методы внедрения демократии — через программы международной технической помощи, внешние НПО, «фонды демократизации», «комитеты поддержки свободных выборов» и другие инструменты «мягкой силы» — продемонстрировали системную неэффективность. На Ближнем Востоке, в Африке, а также в ряде стран Латинской Америки попытки внедрить выборы, многопартийность и формальные свободы извне, без внутреннего социального запроса, обернулись в лучшем случае перманентной нестабильностью, а в худшем — гражданскими войнами, военными переворотами и коллапсом государства. Примеров устойчивого внедрения демократии в XXI веке практически нет. В тех странах, где наблюдался кратковременный демократический прогресс, например, в Тунисе в 2011–2015 годах, или в Киргизии в начале 2000 годов, развитие завершилось либо откатом к авторитаризму, либо политической фрагментацией и утратой контроля над институтами.

Нельзя также не отметить случаи постсоветских стран, в которых импортированные демократии, несмотря на активное западное финансирование и институциональное сопровождение, не стали основой для устойчивого развития. Так, Грузия, Армения, Молдова продолжают сталкиваться с хрупкостью коалиций, уязвимостью институтов и зависимостью от внешнего патронажа. Попытки формирования либерально-демократических государств в этих странах не были подкреплены глубинной институциональной трансформацией и национальным консенсусом. Как следствие, демократия стала восприниматься не как внутреннее достижение, а как навязанное условие, что неизбежно порождает разочарование и антизападные настроения.

На этом фоне авторитарные модели, ориентированные на долгосрочную экономическую стабильность, патернализм и социальную инклюзию, начинают выглядеть не как аномалия, а как реалистическая альтернатива. Страны Персидского залива, Руанда, Вьетнам, Казахстан и Беларусь демонстрируют, что возможна модель власти, при которой легитимность основывается не на сменяемости элит, а на результативности их действий.

Это значит, что речь идет не о возврате к тоталитарным формам, а о становлении гибридной управленческой модели, в которой ключевыми ценностями становятся не политическое многообразие и формальная конкурентность, а целостность, управляемость, равномерность распределения ресурсов и подотчетность власти обществу, — пусть и вне избирательного цикла.

Западной политической науке и международным институтам предстоит осознать, что глобальный политический ландшафт стал плюралистичным не только в идеологическом, но и в институциональном смысле. Очевидно, что универсализм либеральной демократии дал трещину, а сама демократия (как концепт) нуждается в переосмыслении.

Не все общества стремятся к участию в выборах, не все требуют свободы слова в западном понимании, не все видят в разделении властей залог стабильности. В условиях XXI века все чаще главным критерием эффективности системы становится не ее соответствие демократическим стандартам, а способность обеспечивать социальное благополучие, безопасность и предсказуемость. И в этом отношении авторитаризм при всех его издержках предлагает модель, которую больше невозможно игнорировать.

Список литературы

1. Карозерс Т. Конец эпохи демократизации // *Pro et Contra*. 2002. Т. 7. № 1.
2. Левицкий С., Зиблатт Д. Как умирают демократии. М.: Альпина Паблишер, 2020. 320 с.
3. Брунингс Б. Демократия в арабском мире: миф или реальность? // *Middle East Policy*. 2021. № 4.
4. Аззам Х. Диалоги о переменах. Каир: Al-Ahram Press, 2019. 208 с.
5. Шмиттер Ф. Демократия и ее альтернативы. М.: РОССПЭН, 2012.
6. International Crisis Group. Egypt's Next Phase // *ICG Middle East Report* № 198. Brussels: ICG, 2019.

7. Alfoneh A. Iran Unveiled: How the Revolutionary Guards Is Transforming Iran from Theocracy into Military Dictatorship. Washington, DC: AEI Press, 2013.
8. Hallaq T. Authoritarian Learning and Electoral Authoritarianism in the Middle East // Journal of Democracy. 2021. Vol. 32, № 1.
9. Youngs R. The European Union and Democracy Promotion: A Critical Assessment. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2004.
10. Липсет С.М. Политический человек. М.: Весь Мир, 2004.
11. Government Formation in EU States: Trends and Deadlocks // European Policy Centre. Brussels, 2022.
12. Nations in Transit 2023: Germany Country Report // Freedom House*. URL: <https://freedomhouse.org> (дата обращения: 13.04.2025).
13. Electoral Volatility and Institutional Deadlocks in Europe // OECD. Paris: OECD Publishing, 2023.
14. Youth and Democracy in Europe Spring 2023 // Eurobarometer. URL: <https://europa.eu/eurobarometer> (дата обращения: 13.04.2025).
15. Официальные итоги выборов в Кнессет 25-го созыва, 2022 // Центральная избирательная комиссия Израиля. URL: <https://www.bechirot.gov.il> (дата обращения: 13.04.2025).
16. Peled Y. Ethnic Democracy Revisited: Israel as a Model? // Comparative Political Studies. 2023. Vol. 56(3).
17. Government Formation in EU States: Trends and Deadlocks // European Policy Centre. Brussels, 2022.
18. Nations in Transit 2023: Bulgaria Country Report // Freedom House*. URL: <https://freedomhouse.org> (дата обращения: 13.04.2025).
19. IMF Country Report No. 22/315: Saudi Arabia. Washington, DC: IMF, 2022.
20. Qatar Ministry of Development Planning and Statistics. Statistical Abstract, 2023.
21. Public Opinion Survey — MENA Region 2022 // Arab Barometer. URL: <https://www.arabbarometer.org> (дата обращения: 13.04.2025).
22. Al-Harbi K. Social Contract in the Gulf: Beyond Oil Rents // Gulf Affairs. 2023. Issue 1.
23. HSBC Expat Explorer Survey 2023. URL: <https://www.expats.hsb.com> (дата обращения: 13.04.2025).
24. Rwanda Economic Update, 2021 // World Bank. Washington, DC: World Bank Group.
25. Vision 2050: Progress Report // Ministry of Finance and Economic Planning of Rwanda. Kigali, 2022.
26. Public Trust in Government Global Survey 2022 // Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org> (дата обращения: 13.04.2025).
27. Gallup World Poll: Kazakhstan 2022 Country Brief. URL: <https://www.gallup.com> (дата обращения: 13.04.2025).
28. Социально-экономическое развитие Республики Беларусь, 2023 // Белстат. Минск, 2024.
29. Общественное мнение в Беларуси. Итоги 2023 года // СОЦИС. Киев, 2024.

* Freedom House, Inc. (США) — международная неправительственная организация, деятельность которой признана нежелательной в Российской Федерации.